

Киосе Мария Ивановна

Московский государственный лингвистический университет,
Россия, 119034, Москва, ул. Остоженка, 38
Институт языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1
maria_kiose@mail.ru

Интрадискурсивная лингвокреативность: алгоритм измерения*

Для цитирования: Киосе М.И. Интрадискурсивная лингвокреативность: алгоритм измерения. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2023, 20 (4): 803–823. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.408>

В исследовании разрабатывается алгоритм анализа интрадискурсивной лингвокреативности, обусловленной вариативностью субдискурсивных проявлений. Высказывается гипотеза о том, что степень этой вариативности может быть определена с опорой на показатели параметров лингвокреативности отдельных субдискурсов, описываемых макропараметрами; установление нетипичных показателей свидетельствует о повышенном уровне интрадискурсивной лингвокреативности. Алгоритм тестируется на материале четырех произведений (повестей и рассказов-повестей) современной литературы для детей старшего школьного возраста, описываемых одинаковыми макропараметрами, а именно: тип коммуникативного события — общение ребенка и взрослого; этапы нарратива — Ориентация и Усложнение; жанр — реалистическая повесть. При этом степень их проявления различается: реализация макропараметра «тип коммуникативного события» может происходить от первого лица (от лица ребенка) или третьего лица (от автора), при реализации этапа нарратива может преобладать Ориентация, проявление юмористического (комического) может варьироваться при реализации макропараметра «жанр». Алгоритм включает четыре этапа: определение релевантных параметров лингвокреативности с учетом макропараметров анализируемого дискурса, параметрическое аннотирование материала на предмет наличия либо отсутствия маркеров параметров, установление активности и попарной сопряженности параметров каждого образца дискурса, корреляционный анализ показателей параметров и установление значимых различий в их активности. Установлено, что три параметра — смена регистра, стилистический троп и параллельные конструкции, или параллелизмы (однородные члены предложения), — могут с большей достоверностью служить показателями интрадискурсивной лингвокреативности в дискурсе детской литературы. Привлечение показателей сопряженности позволило обнаружить проявления юмористического (комического) субдискурса (сопряженность фонологических параметров лингвокреативности и тропов), превалирования Ориентации в повествовании (сниженные показатели сопряженности параметров лингвокреативности), нарратива от третьего лица с усилением позиции автора (нетипичные проявления сопряженности параметров). Анализ сопряженности показал, что наибольшая вариатив-

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

ность наблюдается в проявлениях макропараметра юмористического (комического) субдискурса.

Ключевые слова: интрадискурсивная лингвокреативность, детская литература, субдискурс, дискурсивный профиль, параметризация.

Введение

Проблема изучения проявлений лингвистической креативности, объекта анализа лингвистической стилистики, в настоящее время привлекает специалистов и в области анализа дискурса. Это обусловлено тем, что средства лингвистической креативности, например звукоподражательные слова, неологизмы, тропы, оказываются значимыми показателями разных типов дискурса и разных субдискурсов. В качестве средств лингвистической креативности в дискурсе выступают языковые способы и приемы стимулирования его прагматического потенциала, которые могут реализовываться на всех уровнях языка. Так, при анализе комического дискурса В. И. Карасик отмечает, что показателями разных его моделей выступают аллюзии, интекстовые вкрапления, рассогласования разного рода [Карасик 2018]. Для комического кинодискурса на первый план выступают такие лингвистические новации, как модификации фразеологизмов, смена кода, введение лексических экспрессивов и эмотивов, цитаты и аллюзии [Зыкова 2021a]. В то же время исследователи обращают внимание и на субдискурсивную вариативность в выборе таких средств. Например, Л. В. Долженко [Долженко 2010] указывает на то, что для рассказов отечественной детской литературы периода 1960–1980-х гг. характерны установки как на реалистичность, так и на комичность (то есть фактически идет речь об интеграции двух субдискурсов детской литературы, реалистического и юмористического/комического); при этом комичность проявляется в использовании эмоциональной лексики, которая также является средством лингвистической креативности. Данные наблюдения свидетельствуют о том, что анализ средств лингвистической креативности может позволить оценить не только дискурсивную, но и субдискурсивную вариативность, например установить активность проявлений тех или иных субдискурсов в рамках дискурса. Для дискурсов, имеющих множество моделей реализации за счет субдискурсивных проявлений, использование показателей лингвокреативности может стать надежным инструментом для оценки их вариативности.

В настоящем исследовании для анализа данного типа лингвистической креативности используется термин «интрадискурсивная лингвокреативность», под которой понимается вариативность показателей лингвистической креативности дискурса, определяемая влиянием его субдискурсивных проявлений. В отличие от интердискурсивной лингвокреативности, или креативности, которая, как отмечает И. В. Зыкова, проявляется в плане выражения в «апроприации одним дискурсом языковых элементов других дискурсов» [Зыкова 2021б: 13] с целью «намеренного, прагматически и/или художественно-эстетически обусловленного введения в определенный дискурс элементов других дискурсов» [Зыкова 2021б: 14–15], интрадискурсивная лингвокреативность описывает варьирование лингвокреативности в рамках одного типа дискурса (в нашем случае — дискурса детской литературы). Полагаем, что интрадискурсивная лингвокреативность может рассматриваться как частный случай интердискурсивной креативности, если в качестве

разных типов дискурса привлекать к анализу структуры, демонстрирующие любые прагматические и/или художественно-эстетические различия; в этом случае субдискурсы детской литературы, например юмористический и реалистический, будут выступать в роли самостоятельных дискурсов. Однако для анализа интрадискурсивной креативности определяющее значение имеет то, что изучение проявлений субдискурсов проводится как интегрируемое общими прагматическими и/или художественно-эстетическими установками (общими для всех субдискурсов). В отношении дискурса детской литературы в качестве таких установок выступают его интернациональный характер [Latrobe 2001], дидактическая ценность [Nikolajeva 1996], наличие двойной адресации [Beckett 1999], каноничность, нормативность и нормированность [Stahl 1992; Белоглазова 2010; Gamble 2013], тенденция к построению вымышленных миров [Zipes 2001; Hunt 2005], культурная апроприация и стратификация, его иконичность по отношению к дискурсу литературы для взрослых [Shavit 1986], гибридный характер и интертекстуальность [Rudd 2004].

Методика анализа интрадискурсивной лингвокреативности разрабатывается на материале дискурса детской литературы, который характеризуется большим типологическим разнообразием [Барковская, Литовская 2010; Челюканова 2015; Hunt 2005], или наличием большого количества субдискурсивных вариантов [Белоглазова 2010]: это, например, субдискурс волшебной сказки, поэтический и прозаический субдискурс, реалистический и комический субдискурс, которые вне дискурса детской литературы выступают самостоятельными дискурсами. Для иллюстрации проявлений интрадискурсивной лингвокреативности рассмотрим фрагмент рассказа-повести Т. Толстой «Свидание с птицей»:

- (1) *Перед Петей поставили огромную тарелку с рисовой кашей; тающий остров масла плавает в липком Саргассовом море. Уходи под воду, масляная Атлантида. Никто не спасется <...> — Прекрати баловство с едой! Петя вздрогнул, размешал масло. Дядя Боря, мамин брат, — мы его не любим — смотрит недовольно; борода черная, в белых зубах папираса; курит, придвинувшись к двери, приоткрыв щель в коридор. Вечно он пристаёт, дергает, насмехается — что ему надо? — Давайте, пацаны, быстро в постель. Леонид сейчас заснет [Толстая 2009: 578].*

Во фрагменте обнаруживаем ряд проявлений лингвистической креативности, например бессоюзную синтаксическую связь в первом и пятом предложениях, развернутую метафору в первом, втором и третьем предложениях, переключение кода (на низкий разговорный) в *Вечно он пристаёт* и *Давайте, пацаны*, новацию с использованием имени собственного (использование имени *Леонид* для называния маленького ребенка), нестандартную сочетаемость в *приоткрыть щель* (вместо *приоткрыть дверь*). Данные проявления отмечаются как характерные для разных субдискурсов детской литературы, например, новации с использованием имени характерны для комической литературы [Carter 2016], а переключения кода на низкий разговорный, напротив, для реалистической [Киосе 2021]. Гипотеза исследования заключается в том, что степень субдискурсивной вариативности можно установить с опорой на показатели вариативности интрадискурсивной лингвокреативности. Для верификации данной гипотезы на материале текстов современных повестей и рассказов-повестей для старшего школьного возраста разрабатывается

метод оценки дискурсивной вариативности с опорой на показатели интрадискурсивной лингвокреативности, в основе которого лежит процедура параметрического анализа текстов и анализа дискурсивных профилей.

Ключевые понятия и алгоритм исследования

Как известно, феномен лингвистической креативности исследуется в аспекте его эстетического содержания [Stockwell 2012; Фещенко, Коваль 2014], лежащих в его основе социокогнитивных механизмов [Ирисханова 2009; Carter 2016; Schmid 2016], психокогнитивных и собственно когнитивных механизмов [Boden 2003; Kaufman, Plucker 2011], его социокоммуникативной ценности [Hoffmann 2018; Turner 2020] и ценности лингвокультурологической [Зыкова 2016; Радбиль, Рацибурская 2017; Гридина 2020]. В настоящем исследовании лингвистическая креативность используется в качестве инструмента дискурсивного анализа, так как активность (частотность) ее средств может свидетельствовать о дискурсивной и субдискурсивной вариативности.

Дискурсивный подход к анализу лингвистической креативности подразумевает анализ ее средств, представленных в виде параметров, как манифестаций макропараметров дискурса, например времени его создания, жанра, этапа или компонента нарратива, характера прагматической ориентированности [Carter 2016; Карасик 2018; Зыкова 2021а; Киосе 2021]. Так, при проведении контрастивного анализа дискурса комической (юмористической) детской литературы и комического кинодискурса с использованием в качестве инструмента показателей параметров лингвокреативности на разных уровнях языка [Зыкова, Киосе 2020], полученные данные позволили установить статистически значимые различия в использовании ряда средств фонологического, лексического и синтаксического уровней. Среди таких различий — фонетический эллипсис, фонетический акцент, наличие метра, ритма или рифмы, смена регистров коммуникации, смена социально-территориального кода, смена профессионального кода, лексико-парадигматическая новация (синонимы, антонимы, омонимы, паронимы, агнонимы), стилистический троп (оказиональные метафора, метонимия, литота, олицетворение, гиперболы, оксюморон, повтор и др.), эллиптическая конструкция, синтаксическая активность служебных частей речи (частицы, вводные слова, междометия). При этом активность некоторых параметров лингвокреативности оказалась сходной. К таким параметрам относятся звуковой повтор (аллитерация, ассонанс, паронимическая аттракция), новация в использовании имени собственного, фразеологизм (узуальный или модифицированный), синтаксическая фигура (анафора, эпифора, градация, бессоюзие). Значимые различия зафиксированы в совместной активности параметров лингвокреативности по результатам анализа сопряженности и последующего моделирования дискурсивных профилей. Результаты свидетельствуют о том, что параметрический анализ лингвокреативности может быть применен для контрастивного исследования дискурсов. Однако для установления субдискурсивной вариативности, которая присуща многим типам дискурса, и в первую очередь дискурсу детской литературы [Барковская, Литовская 2010; Белоглазова 2010; Челюканова 2015; Hunt 2005], алгоритм анализа не был ранее предложен. В настоящем исследовании методика параметрического анализа лингвокреативности и моделирования

дискурсивных профилей используется для разработки алгоритма идентификации дискурсивной вариативности с опорой на показатели интрадискурсивной лингвокреативности, или показатели лингвистической креативности, установленные для разных субдискурсов; алгоритм тестируется на материале повестей современной детской литературы для старшего школьного возраста.

Данный алгоритм предназначен для установления степени субдискурсивной вариативности, определяемой макропараметрами дискурса; необходимым условием его реализации является опора на ранее установленные значимые показатели параметров лингвокреативности исследуемых субдискурсов. В связи с тем, что на настоящий момент такие описания были выполнены для разных дискурсов, которые могут формировать дискурс детской литературы (выполняя таким образом роль субдискурсов), например для поэтического дискурса [Фещенко 2021], юмористического (комического) дискурса [Карасик 2018; Зыкова, Киосе 2020], реалистического дискурса [Долженко 2010], автобиографического дискурса [Степанова 2020], в том числе и для дискурса детской литературы [Киосе 2021], задача оценки субдискурсивной вариативности дискурса детской литературы может быть реализована. Так, было определено, что для художественного, и в частности поэтического, дискурса характерны наличие звуковых повторов, наличие метра, ритма или рифмы, сокращений, смена лингвосемиотического кода, смена профессионального кода, неологизма, а также модификации букв и графический акцент [Фещенко 2021; Соколова 2021], для комического (как указано выше) — использование модифицированных фразеологизмов, смена регистра, стилистических тропов, эллиптических конструкций [Зыкова 2021a], для автобиографического — введение звукоподражания, эмотивной и экспрессивной лексики, использование параллельных конструкций [Степанова 2020]. Притом что использование данных средств лингвокреативности может быть достаточно типичным (конвенциональным) для данного типа дискурса и потому дискурсивно некреативным, их активность в дискурсе определенного типа может служить для контрастивного анализа проявлений этих дискурсов (как субдискурсов) в составе дискурса детской литературы.

Опишем процедуру идентификации дискурсивной вариативности с опорой на показатели интрадискурсивной лингвокреативности. На первом этапе осуществляется выбор релевантных параметров лингвокреативности с учетом: 1) макропараметров анализируемого дискурса, представленных в материале исследования; 2) значимых параметров лингвокреативности, установленных ранее применительно к дискурсам, которые, предположительно, служат субдискурсами для исследуемого дискурса (в данном случае — дискурса детской литературы) и описываются его макропараметрами. На втором этапе реализуется процедура параметрического аннотирования материала путем ручной разметки показателей параметров. Для аннотирования предварительно разработана и апробирована процедура кодовой разметки, позволяющая реализовывать последующую статистическую обработку данных [Зыкова, Киосе 2020]. На третьем этапе осуществляется обработка данных на предмет активности параметров каждого образца дискурса (текста), сопряженности параметров, что позволяет моделировать дискурсивные профили лингвокреативности. На четвертом этапе проводится корреляционный анализ показателей параметров лингвокреативности в исследуемых текстовых фрагментах на предмет установления значимых различий в активности отдельных параметров

как показателей того или иного субдискурса. В итоге делаются выводы о представленности тех или иных субдискурсов в дискурсе детской литературе на материале изученных текстов.

Материалом исследования выступают четыре современные, но уже вошедшие в списки рекомендованной литературы для чтения повести и рассказа-повести (что свидетельствует об их общественном признании), из которых для глубокого параметрического аннотирования были отобраны начальные фрагменты сходной длины; это повести Д. Сабитовой «Где нет зимы» 2011 г. (15 003 знака), Н. Абгарян «Манюня» 2010 г. (15 027 знаков), Т. Толстой «Свидание с птицей» 2007 г. (15 012 знаков), Е. Гришковца «Начальник» 2007 г. (15 042 знака). Объем аннотирования в 15 тыс. знаков был определен в связи с тем, что в одной из повестей данным объемом была ограничена первая часть повествования. Основанием для выбора данных повестей стало то, что они демонстрируют ряд сходных макропараметров, а именно: время создания (изданы в последние 15 лет), тип коммуникативного события (общение ребенка и взрослого), этап нарратива (Ориентация и Усложнение [Labov, Waletzky 1967]), жанр (реалистическая повесть). При этом степень их проявления различается: реализация макропараметра «тип коммуникативного события» может происходить от первого лица — от лица ребенка — или третьего лица — от автора (в рассказе-повести «Свидание с птицей» Т. Толстой повествование осуществлено от лица автора, в остальных повестях повествование строится от первого лица ребенка-подростка); при реализации этапа нарратива может преобладать Ориентация (в повести Е. Гришковца повествование развивается медленнее, большая часть фрагмента является Ориентацией), проявление юмористического (комического) может варьироваться при реализации макропараметра «жанр» (в повести «Манюня» Н. Абгарян юмористические проявления обнаруживаются в большей степени). Таким образом, выбранные для аннотирования тексты демонстрируют различия в представляемых ими субдискурсах, однако смогут ли параметры лингвокреативности обнаружить эти различия и указать на степень их проявления? Предположительно, для более юмористического фрагмента должны быть более характерны смены регистра, использование стилистических тропов и рассогласований, эллиптических конструкций [Карасик 2018; Зыкова 2021a], а также звуковых повторов и новаций со знаками препинания [Киосе 2021]; для нарратива от первого лица — введение звукоподражания и звуковых повторов, использование параллельных конструкций [Степанова 2020]; для фрагмента детской литературы с более медленным развитием повествования — снижение количества параллельных конструкций и однородных членов, выраженных акциональными глаголами, снижение количества синтаксических фигур в целом и тропов [Киосе 2021].

Выбор параметров аннотирования обусловлен обозначенными выше особенностями реализации лингвокреативности в юмористическом (комическом), автобиографическом и художественном дискурсе. Для глубокого параметрического анализа были отобраны следующие параметры (из исходного списка, содержащего 52 параметров лингвокреативности¹ [Зыкова, Киосе 2020], в угловых скоб-

¹ Список параметров лингвокреативности выработан по итогам аналитического реферирования работ, посвященных нормированному и узуальному использованию единиц всех уровней языка, в частности работ Е. А. Земской, Н. М. Кожинной, И. В. Арнольд, Т. Б. Радбиля, Е. Н. Ремчуковой и др. (подробнее см. в [Зыкова, Киосе 2020]).

ках указаны их кодовые обозначения): звукоподражание <102>, звуковой повтор (аллитерация, ассонанс, паронимическая аттракция) <104>, окказиональное словосложение <302>, окказиональное сокращение <304>, смена регистров коммуникации <401>, лексический неологизм и окказионализм <407>, стилистический троп (окказиональные метафора, метонимия, литота, олицетворение, гипербол, оксюморон, повтор, др.) <410>, эллиптическая конструкция <501>, синтаксическая незавершенность (апосиопеза) <502>, синтаксическая фигура (анафора, эпифора, градация, бессоюзие) <503>, параллельные конструкции или параллелизмы (однородные члены предложения) <505>, модификация с буквами <601>, новация со знаками препинания <602>, графический акцент <604>. Единицей анализа являлось структурно завершенное предложение. Всего глубокому аннотированию подверглась 921 единица анализа (далее — ед.). Приведем фрагмент аннотированного текста (используемый формат нумерации единиц необходим для последующей программной обработки фрагментов).

- (2) #1 По ходу повествования у вас может сложиться впечатление, что Ба <304, 401> была вздорной, упертой <505> и деспотичной <505> особой. #2 Это совсем не так. #3 Или не совсем так <503, 505>. #4 Ба <401> была очень любящим, добрым <505>, отзывчивым <505> и преданным <505> человеком. #5 Если Ба <401> не выводит из себя — она вообще казалась ангелом во плоти <410>. #6 Другое дело, что вывернуться <401, 407> Ба <401> могла по любому, даже самому незначительному, поводу. #7 И в этот нелегкий для мироздания час <410> операция «Буря в пустыне» <410> могла показаться детским лепетом <410> по сравнению с тем, что умела устроить Ба <401>! #8 Легче было наместить в совок и выкинуть <505> за амбар последствия смерча, чем пережить шторм Бабырозинового <407> разрушительного гнева <410, 410> [Абгарян 2021].

В предложении #1 встречаем использование окказионального сокращения *Ба*, которое сопровождает смену регистра коммуникации на сниженный разговорный стиль (относительно нейтрально-разговорного стиля повествования); в последующих случаях данное сокращение уже не является окказиональным, поэтому отмечено только переключение на иной стиль. В данном и иных примерах также используются однородные члены. В предложении #3 используется эпифора, сопровождаемая модификацией порядка слов предшествующего предложения. Во фрагменте присутствуют метафоры *ангел во плоти*, *час мироздания*, *операция «Буря в пустыне»*, *детский лепет*, *шторм гнева* и сравнение в предложении #8. Также обнаруживаем два окказионализма: *вывернуться* и *Бабырозинового*.

Сходным образом были аннотированы все фрагменты. Результаты аннотирования были далее обработаны программой HETEROSTAT [Киосе, Ефремов 2020], которая позволяет установить активность использования параметров и их сопряженность, а также преобразует данные в бинарный формат (0 и 1) для их последующей статистической обработки. На рис. 1 приведем окно программы, обрабатывающей данные.

Как видно из рис. 1, пример с каждым порядковым номером имеет свой «набор» параметров лингвокреативности, которые описаны с помощью разработанной кодовой системы; примеры, не демонстрирующие проявлений лингвокреативности, таких кодов не имеют (здесь это примеры 158, 163, 167, 168, 169). В окне

Рис. 1. Окно программы HETEROSTAT в процессе обработки данных

справа отображаются верхние граничные обозначения кодов — обращение к данному окну необходимо для проверки корректности разметки. Так, можно видеть, что параметры лингвокреативности на морфологическом уровне, обозначенные кодами 201–207, в анализируемом фрагменте активности не проявили. Нижнее окно справа позволяет видеть количество анализируемых примеров. В случае как с кодами, так и с примерами программа разрешает подвергать анализу не все параметры и не все примеры, т. е. возможен анализ выборочных примеров и выборочных параметров лингвокреативности. При обработке файлов программа формирует отдельный файл с показателями активности каждого параметра и групп параметров, а также таблицу с показателями сопряженности каждого параметра с каждым. Полученные данные использованы для моделирования дискурсивных профилей лингвокреативности каждого текста с учетом как активности параметров, так и их сопряженности (с использованием поверхностных диаграмм). Последующий анализ сопряженности позволил установить статистически значимые различия в активности параметров лингвокреативности четырех фрагментов. На основании полученных результатов делаются выводы о том, могут ли показатели параметров лингвокреативности служить для установления субдискурсов в составе дискурса, здесь дискурса детской литературы.

Результаты исследования

Анализ активности параметров

Приведем данные по активности параметров лингвистической креативности в четырех фрагментах в таблице.

Как видно из таблицы, некоторые параметры демонстрируют ожидаемо высокую активность во всех текстах, к ним относятся стилистический троп (окациональные метафора, метонимия, литота, олицетворение, гипербола, оксюморон,

Таблица. Активность параметров лингвокреативности

Текст	Параметр													
	102	104	302	304	401	407	410	501	502	503	505	601	602	604
Д. Сабитова, «Где нет зимы», 244 ед.	1	4	1	0	86	9	72	11	4	13	89	1	1	0
Н. Абгарян, «Манюня», 214 ед.	12	5	0	1	102	5	66	14	0	17	55	0	5	0
Т. Толстая, «Свидание с птицей», 204 ед.	18	10	0	0	7	1	68	13	0	22	119	1	0	0
Е. Гришковец, «Начальник», 261 ед.	5	1	0	0	5	3	33	15	1	17	87	0	2	2

повтор и др.) <410> и параллельные конструкции или параллелизмы (однородные члены предложения) <505>. Однако и в этих случаях наблюдаются различия более чем в два раза; в повести Е. Гришкова количество тропов ниже, а в повести Н. Абгарян снижается количество параллельных и однородных структур. Можно предположить, что снижение количества тропов (и в целом образности текста) является следствием более медленного развития хода повествования во фрагменте повести Е. Гришкова. Важно обратить внимание и на сам характер тропов. Так, если во фрагментах неюмористического характера тропы часто являются олицетворениями, а также метафорами и метонимиями без признаков рассогласования, как, например, в *Но обрывки тревожных мыслей начинают бродить у меня в голове сами по себе, а предложение рассыпается и ускользает от тебя, эти газеты все на одно лицо; От Маруськи и Борьки осталась только коричневая фотокартонка с поломанным уголком* [Сабитова 2020], то во фрагменте повести Н. Абгарян они часто строятся именно на рассогласовании, например: *Дети живучи, как тараканы, наша дружба перешла в иную, если позволите такое выражение — остервенелую плоскость; Прелестное письмо* [Абгарян 2021]. Поэтому само количество тропов не может однозначно указывать на присутствие юмористического или реалистического субдискурса (необходим анализ их типа), но, возможно, все же обусловлено более медленным развитием повествования.

Снижение количества параллельных структур в повести Н. Абгарян, однако, нельзя объяснить, опираясь на данные, полученные в ранее приведенных исследованиях (для данного фрагмента, напротив, должно быть характерно их использование). Очевидно, снижение количества параллельных и однородных структур является следствием того, что во фрагменте достаточно много диалоговых реплик. Также важно отметить, что сам тип однородных членов различается. Сравним два образца из фрагментов повестей Н. Абгарян и Т. Толстой:

- (3) *Какое-то время мы встречались на общих занятиях, перекидывались дежурными фразами, но потом случилось памятное выступление хора, после которого наша дружба перешла в иную, если позволите такое выражение — остервенелую плоскость. #15 Мы пересели за одну парту, вместе уходили из музыкальной школы, благо домой нам было по пути. #16 Если у Мани в этот день случалось*

занятие по скрипке, то мы по очереди несли футляр — он был совсем не **тяжелый**, но для нас, маленьких девочек, достаточно **громоздкий**. #17 Недели через две нашей тесной дружбы я пригласила Маню домой — знакомиться с моей семьей. #18 Маня замялась [Абгарян 2021].

- (4) #61 **Жасмин и сирень** разрослись так густо, что и калитку не найдешь. #62 Мяч **перелетел** через кусты и **пропал** в чужом саду. #63 Петя **перелез** через забор, **пробрался** — открылась цветочная **лужайка** с солнечными часами посередине, просторная **веранда** — и там он увидел Тамилу. #64 Она **раскачивалась** на черном кресле-качалке, в ярко-черном халате, нога на ногу, **наливала** себе из черной бутылки, и **веки у нее были черные и тяжелые, рот красный** [Толстая 2009].

Как видно из примеров, в образце повести Н. Абгарян в структуре простых предложений в составе сложных однородные члены используются не так часто. Можно предположить, что таким образом достигается большая «детскость», простота, снижение детализации повествования. Однако отметим, что в образце повести Н. Абгарян они достаточно часто выражены именно акциональными глаголами, что свидетельствует о большем динамизме повествования. В примере из фрагмента повести Т. Толстой (как и в целом во фрагменте) параллельные конструкции (здесь мы используем термин широко как включающий и собственно параллельные конструкции, и однородные члены ввиду их сходной функции в развитии повествования) часто выражены не только однородными акциональными глаголами, но и предложениями, не демонстрирующими динамической смены событий (*веки у нее были черные и тяжелые, рот красный*), а также однородными подлежащими (*жасмин и сирень*), хотя порядок их представления и семантика могут указывать на динамику развертывания события (здесь это представление веранды как открывающейся читателю после указания на ее место расположения — лужайку).

В отношении параметров лингвокреативности словообразовательного уровня и графико-орфографических параметров делать какие-либо выводы преждевременно, так как их количество невелико и требуется существенное увеличение размера выборки для определения различий. Параметры фонологического уровня демонстрируют больший разброс показателей. Во фрагментах повестей Н. Абгарян и Т. Толстой используется большее количество звукоподражаний и звуковых повторов, например: — *Хорошо*, — **каркнула** я, *Наринэ*, — **пискнула** я, **хохот**, *который издала Ба*, *больше напоминал агонизирующий хрип*, — *Чудо в перьях!* — **хмыкнула** Ба, *У Ба не забалуешь* [Абгарян 2021]; — *Не жилец*, — **цыкнул** дядя Боря, *в лесу кто-то жалуется*, **кукует**, *И опять засвистел тот же гнусный мотивчик: тарьям-пам-пам, Куу-гу! Куу-гу!* [Толстая 2009]. Полученные результаты вновь не подтверждают ранее установленные закономерности о превалировании средств фонологической лингвокреативности в юмористическом субдискурсе и в нарративе от первого лица (фрагмент повести Т. Толстой не является ни юмористическим, ни нарративом от первого лица); в то же время фрагмент повести Н. Абгарян задействует оба типа субдискурса. Возможно, активность фонологических средств лингвокреативности скорее свидетельствует о большей поэтичности, художественности дискурса [Фещенко 2021], чем о проявлениях исследуемых макропараметров, описывающих субдискурсы.

Далее рассмотрим проявления параметров лексического уровня. В ходе анализа обнаружен высокий разброс показателей смены регистра, проявляющейся в ис-

пользовании сниженного разговорного стиля в фрагментах повестей Д. Сабитовой и Н. Абгарян, при этом обнаружены и примеры очевидного нарушения литературной нормы, как в *Моя бабуля в таких случаях говорила: ни согнуться, ни разогнуться, ни дыхнуть, ни пернуть* [Абгарян 2021]. Сниженность регистра проявляется, например, в использовании просторечных форм имен, как в *Гуль уснула, выронив книгу и даже не пожелав Ляльке спокойной ночи* [Сабитова 2020] или в *Манька нарисовала маленький домик* [Абгарян 2021], а также в выборе неконвенциональных форм именования родных, как в *Шура много курила, любила петь, терпеть не могла готовить* [Сабитова 2020] для описания бабушки; в выборе стилистически сниженных лексических вариантов, например: в *число любимых и перспективных учеников я не попал и отвалил* [Гришковец 2007], *Я предложил свистнуть отсюда старую газету* [Сабитова 2020], выборе разговорных форм диалогической коммуникации (с их графическим отображением) в — *Здрассьсти, — пискнула я* [Абгарян 2021], наименовании табуированных для нормированной коммуникации в детской литературе тем и референтов, например, в — *У меня, кажется, завелись вошки, — задумчиво протянула Манюня* [Абгарян 2021]. В редких случаях наблюдается смена регистра на более высокий, например в выборе форм обращения бабушки к внучке, как в — *Помолчи, Мария, не с тобой разговаривают, — одернула ее Ба* [Абгарян 2021]. В целом обнаруженная повышенная активность смены регистра в юмористическом субдискурсе, описывающем современный период времени событий, соответствует ожиданиям, так как данные типы субдискурса реализуются именно во фрагменте повести Н. Абгарян.

Использование лексических неологизмов и окказионализмов не является достаточно частотным в исследуемых фрагментах; кроме того, увеличение их количества во фрагменте повести Д. Сабитовой не может быть объяснено влиянием какого-либо из исследуемых макропараметров. Вслед за О. Соколовой [Соколова 2021] мы предполагаем, что введение неологии скорее отвечает общей прагматической интенции дискурса, здесь это, возможно, обусловлено дискурсивной установкой на разговорный формат коммуникации, как, например, в *Чтоб краски — нигде-нигде-шеньки ни капли; Решил же — сначала дорассказать про бабушку, А в следующий раз «он» оказывался летчиком, а потом — артистом оперетты или даже писателем-лауреатом-самой-главной-премии* [Сабитова 2020].

Активность синтаксических параметров лингвокреативности (кроме описанной выше активности параллельных конструкций) не позволяет однозначно утверждать наличие различий в анализируемых фрагментах. Активность синтаксических фигур оказалась сходной; в большинстве случаев речь идет об использовании бессоюзной связи: *Стара я уже — отвыкать, — проворчала бабушка* [Сабитова 2020], а также об использовании анафоры и эпифоры: *И встала. И поклонились* [Сабитова 2020], *Потом мы по второму кругу ели печенье. Потом мы ели мороженое* [Абгарян 2021], *Сколько же она всего видела! Она и гибель Атлантиды видела* [Толстая 2009], *Он тебя и запишет. Или не запишет* [Гришковец 2007].

Таким образом, из указанных ранее гипотетически значимых параметров субдискурсов только три — смена регистра, стилистический троп и параллельные конструкции или параллелизмы (однородные члены предложения) — могут (с определенными оговорками) служить показателями интрадискурсивной лингвокреативности.

Анализ попарной сопряженности параметров

Для установления характера распределения активности параметров в четырех фрагментах проведен анализ попарной сопряженности параметров лингвокреативности, так как их конвергентное воздействие также способно оказывать определенный эффект для формирования лингвокреативности того или иного субдискурса. В программе HETEROSTAT [Киосе, Ефремов 2020] проведен автоматический расчет коэффициентов корреляции каждого параметра с каждым в каждом фрагменте. Далее были отобраны параметры, демонстрирующие наибольшую активность во фрагменте, и определены самые высокие показатели корреляции в отношении данных параметров. С учетом количества аннотированных единиц анализа (около 400 в каждой выборке) показатели корреляции считались значимыми, если они превышали 0.13 (для $p = 0.01$). На рис. 2 (а–г) приведем поверхностные диаграммы, демонстрирующие активность совместной встречаемости параметров фрагментов. Данные диаграммы могут быть рассмотрены в качестве дискурсивных профилей, которые служат для установления контрастивной значимости параметров в аспекте их сопряженности.

Полученные результаты демонстрируют определенные различия в совместной активности параметров лингвокреативности в данных фрагментах. Так, во фрагменте повести Д. Сабитовой самые высокие показатели сопряженности (и одновременно имеющие высокую активность) демонстрируют стилистический троп <410> и параллельные конструкции или параллелизмы (однородные члены предложения) <505> ($r = 0.35$), смена регистра <401> и параллельные конструкции или параллелизмы (однородные члены предложения) <505> ($r = 0.3$), стилистический троп <410> и смена регистра <401> ($r = 0.23$), стилистический троп <410> и синтаксическая фигура <503> ($r = 0.18$). Во фрагменте повести Н. Абгарян высокие показатели сопряженности обнаружены у таких параметров, как смена регистра <401> и параллельные конструкции или параллелизмы (однородные члены предложения) <505> ($r = 0.31$), стилистический троп <410> и звукоподражание <102> ($r = 0.29$), смена регистра <401> и стилистический троп <410> ($r = 0.25$), параллельные конструкции или параллелизмы (однородные члены предложения) <505> и стилистический троп <410> ($r = 0.2$). Можно отметить, что во фрагменте повести Н. Абгарян отличительной особенностью является сопряженность параметров с участием звукоподражания. Как указано выше [Зыкова, Киосе 2020], совместное использование фонологических параметров лингвокреативности и тропов может быть показателем юмористического субдискурса, примером которого и является рассматриваемый фрагмент. Во фрагменте повести Т. Толстой высокие показатели сопряженности обнаружены у следующих параметров: параллельные конструкции или параллелизмы (однородные члены предложения) <505> и стилистический троп <410> ($r = 0.38$), синтаксическая фигура <503> и новация со знаками препинания <602> ($r = 0.3$), звукоподражание <102> и звуковой повтор (аллитерация, ассонанс, паронимическая аттракция) <104> ($r = 0.3$), параллельные конструкции или параллелизмы (однородные члены предложения) <505> и звукоподражание <102> ($r = 0.19$). Обращает на себя внимание то, что в данном тексте набор сопряженных параметров значительно отличается от набора всех других фрагментов. Очевидно, именно сопряженность параметров лингвокреативности обеспечивает уникаль-

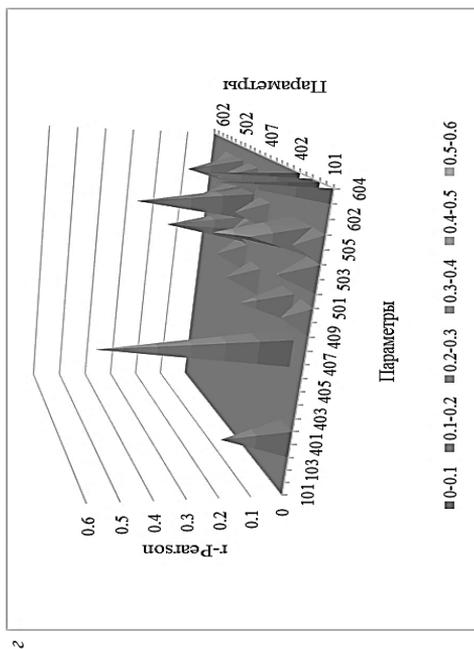
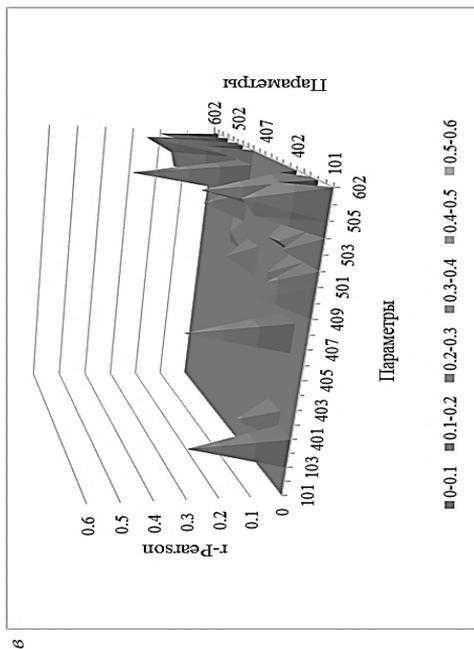
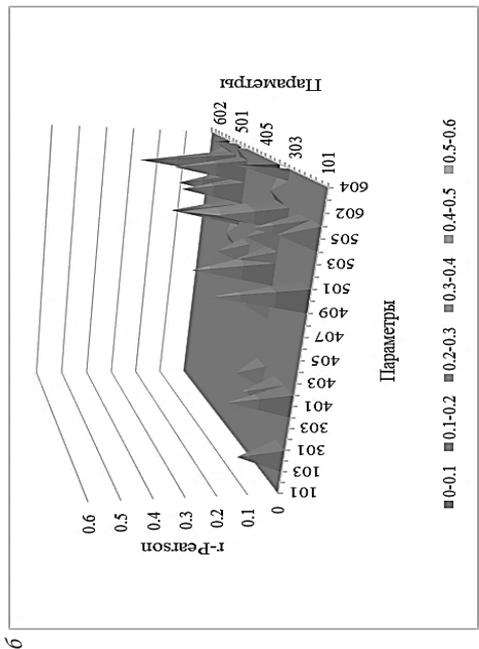
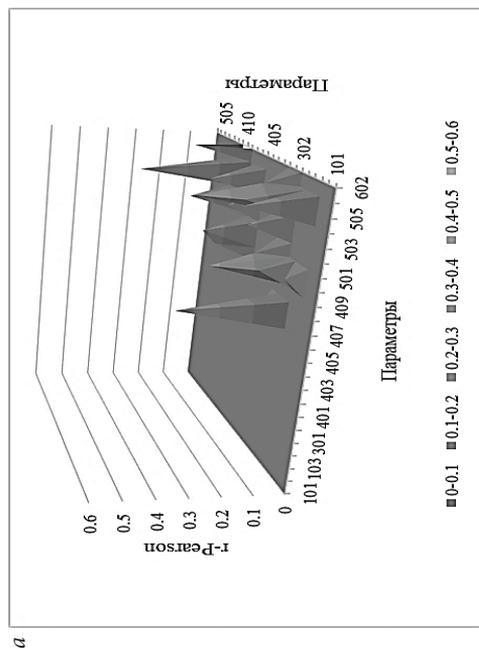

Рис. 2. Диаграммы для фрагментов повестей: а — Р.Сабитовой, б — Н.Абгарян, в — Т.Толстой, г — Е.Гришкова

ность текста Т. Толстой, представленного нарративом от третьего лица, то есть представляющего нарратив с более выраженной позицией автора, а не участника (как в других трех фрагментах).

Данное наблюдение свидетельствует о том, что, возможно, именно показатели сопряженности параметров лингвокреативности могут служить более надежным инструментом для установления степени интрадискурсивной лингвокреативности. Это также подтверждает и тот факт, что проявления сопряженности параметров, обнаруженные во фрагменте повести Н. Абгарян, отмечаются как значимые в наблюдениях дискурсологов в отношении особенностей юмористического дискурса [Карасик 2018], в то время как отдельные показатели такого подтверждения не обнаружили.

Во фрагменте повести Е. Гришковца высокие показатели сопряженности получены у звукового повтора (аллитерация, ассонанс, паронимическая аттракция) <104> и лексического неологизма и окказионализма <407> ($r = 0.58$), однако количество встреченных случаев невелико и делать выводы о регулярности их совместной встречаемости неверно. Высокие показатели сопряженности при высокой активности параметров обнаружены у следующих параметров: стилистический троп <410> и параллельные конструкции или параллелизмы (однородные члены предложения) <505> ($r = 0.38$), синтаксическая фигура <503> и эллиптическая конструкция <501> ($r = 0.25$). В остальных случаях при наличии значимых показателей сопряженности параметров их активность невелика. В этом плане фрагмент повести Е. Гришковца отличается от трех других фрагментов: при высокой активности ряда параметров их совместная активность относительно невелика, что свидетельствует о снижении их конвергентного воздействия, их большей самостоятельной ценности для повествования. Выше мы показали, что для данного фрагмента, демонстрирующего более медленное развитие повествования, было обнаружено значительное снижение количества тропов, а также переключений регистра и звукоподражаний, что частично согласуется со сделанными ранее выводами о частотности проявлений данных параметров лингвокреативности в начальных этапах повествования, в основном Ориентации [Киосе 2021]. Полученные данные в отношении сопряженности параметров такого фрагмента позволяют внести значимое уточнение. Предположительно, речь должна идти и о снижении совместной активности параметров, при этом даже тех, которые не демонстрируют снижения индивидуальной активности.

Корреляционный анализ лингвокреативности

Далее был проведен корреляционный анализ показателей параметров лингвокреативности четырех фрагментов повестей на предмет установления значимых различий в реализации лингвокреативности, предположительно, определяемой присутствием разных субдискурсов в составе дискурса. Данный вид анализа целесообразно проводить с привлечением параметров, демонстрирующих высокую активность, поэтому для анализа использованы показатели наиболее активных параметров: звукоподражание <102>, смена регистра <401>, стилистический троп <410>, эллиптическая конструкция <501>, синтаксическая фигура <503>, параллельные конструкции или параллелизмы (однородные члены предложения) <505>.

Анализ проведен с применением коэффициента корреляции Пирсона между каждой парой рядов показателей: между показателями параметров каждого фрагмента и суммарными показателями по четырем фрагментам. Приведем полученные результаты: для фрагмента повести Д. Сабитовой $r = 0.93$, для фрагмента повести Н. Абгарян $r = 0.69$, для фрагмента повести Т. Толстой $r = 0.84$, для фрагмента повести Е. Гришковца $r = 0.81$. При критическом показателе для выборки данного размера $r(10) = 0.71$ для $p = 0.01$, можно утверждать, что показатели параметров лингвокреативности только одного фрагмента, фрагмента повести Н. Абгарян, не демонстрируют сопряженности с показателями других фрагментов. Таким образом, данный фрагмент сильнее отличается от остальных. Можно предположить, что это происходит именно за счет проявления в нем макропараметра юмористического (комического) содержания. Как мы установили ранее, наибольшие различия у данного фрагмента наблюдаются в повышенной активности параметра «смена регистра» <401> и в сниженной активности параметра «параллельные конструкции, или параллелизмы (однородные члены предложения)» <505>. Исследователи юмористического (комического) дискурса [Карасик 2018; Зыкова 2021а; Carter 2016] не отмечают в качестве активного параметра данного типа дискурса присутствие параллельных конструкций, поэтому снижение их показателей в рассмотренном фрагменте было ожидаемо. Смена регистра может быть одним из типов рассогласования, значимость которого для юмористического (комического) дискурса установлена в ряде работ [Карасик 2018; Attardo 2001; Turner 2020]. Ранее мы указали, что рассогласование может проявляться и в ряде тропов, однако не рассматривали такие тропы в качестве отдельного параметра лингвокреативности, а по активности стилистических тропов в целом фрагмент Н. Абгарян не демонстрирует значимых различий. В целом заключаем, что на материале рассмотренных фрагментов макропараметр «жанр» в реализации юмористического (комического) содержания проявляется наиболее активным образом и в большей степени определяет вариативность интрадискурсивной лингвокреативности.

Таким образом, проведенное исследование показало, что для установления интрадискурсивной лингвокреативности необходим анализ не только активности параметров лингвокреативности, но и их попарной сопряженности, а также сопряженности параметров фрагментов в целом. Привлечение данных этапов анализа позволяет уточнить, во-первых, состав параметров, высокая активность которых характерна для иного субдискурса, и возможности их сопряженной активности, что также может являться показателем для иного субдискурса. Как мы показали, установление нетипичной активности параметров не всегда служит показателем «присутствия» иного субдискурса. Согласование с полученными ранее данными по активности параметров дискурсов и субдискурсов наблюдается (по крайней мере, на исследуемом материале) только в отношении ряда параметров: переключение регистров <401>, использование параллельных конструкций и однородных членов <505>, а также использование стилистических тропов <410> с учетом их типа. В то же время привлечение показателей сопряженности позволяет с большей определенностью обнаруживать проявления субдискурсов, как это было продемонстрировано на примере фрагментов повестей Н. Абгарян (сопряженность фонологических параметров лингвокреативности и тропов как показатель юмористического субдискурса), Т. Толстой (демонстрирующей отличающиеся проявления сопряжен-

ности параметров, возможно, как показатель нарратива от третьего лица), Е. Гришковца (сниженные показатели сопряженности параметров лингвокреативности как возможный показатель более медленного развития повествования). Установление сопряженности между наиболее активными параметрами фрагментов позволяет определить взвешенную активность макропараметра, описывающего присутствие того или иного субдискурса, в сопоставляемых фрагментах.

Выводы

В целом проведенное исследование показало, что манифестации интрадискурсивной лингвокреативности, или вариативности в проявлениях параметров лингвокреативности, обусловленные соприсутствием нескольких субдискурсов в составе одного дискурса, могут быть не просто наблюдаемыми, но и оцененными на предмет степени их проявления. Исходная гипотеза исследования, заключающаяся в том, что установление в дискурсе нетипичных для субдискурса показателей на разных уровнях языка свидетельствует о повышенном уровне интрадискурсивной лингвокреативности, потребовала корректировки в связи с тем, что: 1) только некоторые параметры действительно продемонстрировали нетипичную активность (по меньшей мере, в аннотированных фрагментах); 2) в ряде случаев значимыми оказались показатели не активности, а сопряженности параметров.

Таким образом, можно констатировать, что для установления степени проявления интрадискурсивной лингвокреативности в дискурсе детской литературы оказались необходимы: 1) оценка индивидуальной активности параметров (особенно в отношении таких параметров, как переключение регистров (<401>), использование параллельных конструкций и однородных членов (<505>), а также использование стилистических тропов (<410>) с учетом их типа); 2) оценка показателей попарной сопряженности параметров, демонстрирующих повышенную активность в дискурсе (в отношении звукоподражания <102>, переключения регистров <401>, использования стилистических тропов <410>, эллиптической конструкции <501>, синтаксической фигуры <503>, использования параллельных конструкций и однородных членов <505>); 3) оценка показателей сопряженности параметров лингвокреативности в рассмотренных фрагментах в целом. В целом три вида оценки могут быть применены для исследования интрадискурсивной лингвокреативности и в других типах дискурса. Сам алгоритм идентификации интрадискурсивной лингвокреативности должен включать следующие этапы: 1) определение релевантных параметров лингвокреативности с учетом макропараметров анализируемого дискурса и ранее установленных значимых параметров лингвокреативности; 2) параметрическое аннотирование материала на предмет наличия либо отсутствия маркеров параметров; 3) обработку данных на предмет активности параметров каждого образца дискурса (текста) и сопряженности параметров, что позволяет получить векторные модели лингвокреативности текстов; 4) корреляционный анализ показателей параметров лингвокреативности исследуемых текстов и установление значимых различий в активности параметров. Применение данного алгоритма анализа позволяет сделать выводы о представленности тех или иных субдискурсов в дискурсе (в данном случае — в дискурсе детской литературы на материале изученных текстов).

Результаты исследования могут быть использованы при проведении оценки субдискурсивной вариативности дискурса детской литературы, а сама методика установления интрадискурсивной лингвокреативности — для оценки субдискурсивной вариативности применительно к иным типам дискурса.

Источники

- Абгарян 2021 — Абгарян Н. Манюня. М.: АСТ, 2021.
Гришковец 2007 — Гришковец Е. Начальник. В кн.: *Следы на мне*. М.: Махаон, 2007. С. 164–202.
Сабитова 2020 — Сабитова Д. *Где нет зимы*. М.: Самокат, 2020.
Толстая 2009 — Толстая Т. Свидание с птицей. В кн.: *Кысь. Зверотур*. Рассказы. М.: Эксмо, 2009. С. 577–589.

Литература

- Барковская, Литовская 2010 — Барковская Н. В., Литовская М. А. (сост.) *Детская литература сегодня*. Сб. науч. ст. Екатеринбург: УрГПУ, 2010.
Белоглазова 2010 — Белоглазова Е. В. *Дискурсивная гетерогенность литературы для детей: когнитивный и лингво-прагматический аспекты*. Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010.
Гридина 2020 — Гридина Т. А. (ред.) «Внутри» будущих сюжетов: креативные истоки художественного речемышления. *Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива*. 2020, 2 (29): 7–22.
Долженко 2010 — Долженко Л. В. *Рациональное и эмоциональное в русской литературе 80-х гг. XX в.: Н. Н. Носов, В. Ю. Драгунский, А. Г. Алексин, В. П. Крапивин*. Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2010.
Зыкова 2016 — Зыкова И. В. Лингвокреативность с позиции лингвокультурологии: теория, метод, анализ. *Язык. Сознание. Коммуникация*. 2016, 53: 136–151.
Зыкова 2021a — Зыкова И. В. Лудические новации в кинодискурсе с позиции параметрического подхода к изучению лингвокреативности. *Когнитивные исследования языка*. 2021, 47 (4): 542–550.
Зыкова 2021б — Зыкова И. В. Интердискурсивные параметры лингвокреативности (на материале кинодискурса). *Критика и семиотика*. 2021, 2: 11–29.
Зыкова, Киосе 2020 — Зыкова И. В., Киосе М. И. Параметризация лингвистической креативности в междискурсивном аспекте: кинодискурс vs. дискурс детской литературы. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2020, 2: 26–40.
Ирисханова 2009 — Ирисханова О. К. О понятии креативности и его роли в метаязыке лингвистических описаний. *Когнитивные исследования языка*. 2009, 5: 157–171.
Карасик 2018 — Карасик В. И. Алгоритмы построения комических текстов. *Russian Journal of Linguistics*. 2018, 22 (4): 895–918.
Киосе 2021 — Киосе М. И. Лингвокреативность в дискурсе детской литературы. В кн.: *Лингвокреативность в дискурсах разных типов: пределы и возможности*. Отв. ред. И. В. Зыкова. М.: Р. Валент, 2021. С. 363–451.
Киосе, Ефремов 2020 — Киосе М. И., Ефремов А. А. *HETEROSTAT*. Программа комплексного расчета параметров дискурса. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ 2020661240. (Дата регистрации: 30.09.2020).
Радбиль, Рацбурская 2017 — Радбиль Т. Б., Рацбурская Л. В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект. *Мир русского слова*. 2017, 2: 33–39.
Соколова 2021 — Соколова О. В. Лингвокреативность в рекламном и поэтическом дискурсах. В кн.: *Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности*. Отв. ред. И. В. Зыкова. М.: Р. Валент, 2021. С. 258–361.
Степанова 2020 — Степанова А. А. Параметры лингвистической креативности в эпистолярном дискурсе М. И. Цветаевой. *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2020: 175–185.

- Фещенко 2021 — Фещенко В. В. Лингвокреативность в художественном и научном дискурсах. В кн.: *Лингвокреативность в дискурсах разных типов: пределы и возможности*. Отв. ред. И. В. Зыкова. М.: Р. Валент, 2021. С. 190–257.
- Фещенко, Коваль 2014 — Фещенко В. В., Коваль О. В. *Сотворение знака. Очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства*. М.: Языки славянской культуры, 2014.
- Челюканова 2015 — Челюканова О. Н. *Художественный и внутрילитературный синтез в развитии русской прозы для детей и юношества 50–80-х годов XX века*. Дис. ... д-ра филол. наук. М.: РУДН, 2015.
- Attardo 2001 — Attardo S. *Humorous Texts: A semantic and pragmatic analysis*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001.
- Beckett 1999 — Beckett S. L. (ed.) *Transcending Boundaries: Writing for a Dual Audience of Children and Adults*. New York; London: Garland, 1999.
- Boden 2003 — Boden M. *The Creative Mind: Myths and Mechanisms*. London: Taylor & Francis, 2003.
- Carter 2016 — Carter R. *Language and Creativity. The Art of Common Talk*. 2nd ed. New York: Routledge, 2016.
- Gamble 2013 — Gamble N. *Exploring Children's Literature: Reading with Pleasure and Purpose*. London: SAGE Publications, 2013.
- Hoffmann 2018 — Hoffmann T. Creativity and construction grammar: Cognitive and psychological issues. *Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik*. 2020, 66 (3): 259–276.
- Hunt 2005 — Hunt P. *Understanding Children's Literature*. London; New York: Routledge, 2005.
- Kaufman, Plucker 2011 — Kaufman J. C., Plucker J. A. Intelligence and creativity. In: *The Cambridge handbook of intelligence*. R. J. Sternberg, S. Kaufman (eds.). New York: Cambridge University Press, 2011. P. 771–783.
- Labov, Waletzky 1967 — Labov W., Waletzky J. Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience. In: Helm J. (ed.) *Essays on the Verbal and Visual Arts*. Seattle; London: University of Washington Press, 1967. P. 12–44.
- Latrobe 2001 — Latrobe K. Children's literature: International perspectives. *World Literature Today Magazine*. 2001, 75: 98–101.
- Nikolajeva 1996 — Nikolajeva M. *Children's Literature Comes of Age. Towards a New Aesthetic*. New York; London: Garland, 1996.
- Rudd 2004 — Rudd D. Theorising and theories: The conditions of possibility of children's literature. In: Hunt P. (ed.). *International companion encyclopedia of children's literature*. London: Routledge, 2004. P. 29–43.
- Schmid 2016 — Schmid H.-J. (ed.) *Entrenchment and the Psychology of Language Learning. How We Reorganize and Adapt Linguistic Knowledge*. Washington: Mouton de Gruyter, 2016.
- Shavit 1986 — Shavit Z. *Poetics of Children's Literature*. Athens, GA; London: University of Georgia Press, 1986.
- Stahl 1992 — Stahl J. D. Canon formation: A historical and psychological perspective. In: Sadler G. E. (ed.). *Teaching Children's Literature. Issues, Pedagogy, Resources*. New York: MLA, 1992. P. 12–21.
- Stockwell 2012 — Stockwell P. *Texture: A Cognitive Aesthetics of Reading*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2012.
- Turner 2020 — Turner M. Constructions and creativity. *Cognitive Semiotics*. 2020, 13 (1). <https://doi.org/10.1515/cogsem-2020-2019>
- Zipes 2001 — Zipes J. *Sticks and Stones. The troublesome success of children's literature from Slovenly Peter to Harry Potter*. London; New York: Routledge, 2001.

Статья поступила в редакцию 30 сентября 2022 г.
Рекомендована в печать 16 июня 2023 г.

Maria I. Kiose

Moscow State Linguistic University,
38, ul. Ostozhenka, Moscow, 119034, Russia
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1, per. Bolshoi Kisllovskiy, Moscow, 125009, Russia
maria_kiose@mail.ru

Intra-discursive linguistic creativity: Identification algorithm*

For citation: Kiose M. I. Intra-discursive linguistic creativity: Identification algorithm. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2023, 20 (4): 803–823.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.408> (In Russian)

The study develops the algorithm of identifying intra-discursive linguistic creativity which results from subdiscourse variance. We hypothesize that its degree can be identified if we consider the parametric values of linguistic creativity in the subdiscourse types described by macroparameters. In case they manifest atypical values in the discourse samples, we can identify these samples as having a higher degree of intra-discursive linguistic creativity. The algorithm is tested in four modern children's novels which demonstrate the same macroparameters, "communicative event type (communication between an adult and an older child)", "narrative component (Orientation and Complicating Action)", "genre (realistic novel)". In the samples, their degree of manifestation varies: "communicative event type" appears as first or third-person narration, in "narrative component" Orientation and Complicating Action succeed or Orientation prevails, "genre" demonstrates either higher or lower manifestations of humor. The algorithm involves four steps: detecting the relevant parameters of linguistic creativity manifested by macroparameters, parametric annotating of novels for the presence of their linguistic markers, establishing activity and binary contingencies of parameter values, establishing contingencies between the samples and identifying significant differences. The study shows that three parameters — register shifts, stylistic tropes and parallel structures — contribute to valid identification of intra-discursive linguistic creativity in the discourse of children's literature. Correlation analysis held to establish binary parameter contingency values helps establish the manifestations of humor (high contingency values of phonological parameters and lexical tropes), Orientation component prevailing (decreased contingency values), third-person narration with more explicit author's position (atypical contingencies).

Keywords: intra-discursive linguistic creativity, children's literature, subdiscourse, discourse profile, parametric analysis.

References

- Барковская, Литовская 2010 — Barkovskaya N. V., Litovskaya M. A. *Children literature today*. Ekaterinburg: UrGPU Publ., 2010. (In Russian)
- Белоглазова 2010 — Beloglazova E. V. *Discursive heterogeneity for children: cognitive and lingvo-pragmatic aspects*. PhD thesis. St. Petersburg, 2010. (In Russian)
- Гридина 2020 — Gridina T. A. (ed.) "Inside" Future Plots: Creative Origins of Artistic Speech Thinking. *Ural'skii Philologicheskii Vestnik. Seriya: Iazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa*. 2020, 2 (29): 7–22. (In Russian)
- Долженко 2010 — Dolzhenko L. V. Rational and emotional in Russian literature of the 50s–80s of the 20th century: N. N. Nosov, V. Yu. Dragunskiy, A. G. Aleksin, V. P. Krapivin. PhD thesis. Volgograd, 2010. (In Russian)

* The research is financially supported by the Russian Science Foundation, project no. 19-18-00040, and is carried out in the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

- ЗЫКОВА 2016 — Zykova I. V. Linguocreativity and linguocultural studies: Theory, method, analysis. *Iazyk. Soznanie. Kommunikatsiia*. 2016, 53: 136–151. (In Russian)
- ЗЫКОВА 2021a — Zykova I. V. Ludic innovations in cinematic discourse from the perspective of a parametric approach to the study of linguistic creativity. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*. 2021, 47 (4): 542–550. (In Russian)
- ЗЫКОВА 2021b — Zykova I. V. Interdiscursive parameters of linguistic creativity (the case study of cinematic discourse). *Kritika i semiotika*. 2021, 2: 11–29. (In Russian)
- ЗЫКОВА, КИОСЕ 2020 — Zykova I. V., Kiose M. I. Linguistic creativity parametrization in contrasting discourse types: Cinematic discourse vs. discourse of children's literature. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. 2020, 2: 26–40. (In Russian)
- ИРИСХАНОВА 2009 — Iriskhanova O. K. On creativity and its role in the metalanguage of linguistic descriptions. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*. 2009, 5: 157–171. (In Russian)
- КАРАСИК 2018 — Karasik V. I. Algorithms of humorous texts construal. *Russian Journal of Linguistics*. 2018, 22 (4): 895–918. (In Russian)
- КИОСЕ 2021 — Kiose M. I. Linguistic creativity in the discourse of children's literature. In: *Lingvokreativnost' v diskursakh raznyh tipov: Predely i vozmozhnosti*. I. V. Zykova (ed.). Moscow: R. Valent Publ., 2021. P. 363–451. (In Russian)
- КИОСЕ, ЕФРЕМОВ 2020 — Kiose M. I., Efremov A. A. *HETEROSTAT*. Software of complex processing of discourse parameters. Registration number 2020661240 (Registration date: 30.07.2020). (In Russian)
- РАДБИЛЬ, РАЦИБУРСКАЯ 2017 — Radbil T. B., Ratsiburskaya L. V. Wordbuilding innovations of borrowed elements in Russian: A linguocultural view. *Mir russkogo slova*. 2017, 2: 33–39. (In Russian)
- СОКОЛОВА 2021 — Sokolova O. V. Linguistic creativity in advertising and poetic discourse. In: *Lingvokreativnost' v diskursakh raznyh tipov: Predely i vozmozhnosti*. I. V. Zykova (ed.). Moscow: R. Valent Publ., 2021. P. 258–361. (In Russian)
- СТЕПАНОВА 2020 — Stepanova A. A. Parameters of linguistic creativity in epistolary discourse of M. I. Tsvetaeva. *Teoriia iazyka i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*. 2020: 175–185. (In Russian)
- ФЕЩЕНКО 2021 — Feshchenko V. V. Linguistic creativity in artistic and scientific discourse. In: *Lingvokreativnost' v diskursakh raznyh tipov: Predely i vozmozhnosti*. I. V. Zykova (ed.). Moscow: R. Valent Publ., 2021. P. 190–257. (In Russian)
- ФЕЩЕНКО, КОВАЛЬ 2014 — Feshchenko V. V., Koval O. V. *Creation of a sign. Essays on linguo-aesthetics and semiotics of art*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2014. (In Russian)
- ЧЕЛЮКАНОВА 2015 — Chelukanova O. N. Artistic and intraliterature synthesis in the development of Russian children's prose of 50–80s of the XX century. PhD thesis. Moscow, 2015. (In Russian)
- ATTARDO 2001 — Attardo S. *Humorous Texts: A semantic and pragmatic analysis*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001.
- BECKETT 1999 — Beckett S. L. (ed.) *Transcending Boundaries: Writing for a Dual Audience of Children and Adults*. New York; London: Garland, 1999.
- BODEN 2003 — Boden M. *The Creative Mind: Myths and Mechanisms*. London: Taylor & Francis, 2003.
- CARTER 2016 — Carter R. *Language and Creativity. The Art of Common Talk*. 2nd ed. New York: Routledge, 2016.
- GAMBLE 2013 — Gamble N. *Exploring Children's Literature: Reading with Pleasure and Purpose*. London: SAGE Publications, 2013.
- HOFFMANN 2018 — Hoffmann T. Creativity and construction grammar: Cognitive and psychological issues. *Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik*. 2020, 66 (3): 259–276.
- HUNT 2005 — Hunt P. *Understanding Children's Literature*. London; New York: Routledge, 2005.
- KAUFMAN, PLUCKER 2011 — Kaufman J. C., Plucker J. A. Intelligence and creativity. In: *The Cambridge handbook of intelligence*. R. J. Sternberg, S. Kaufman (eds.). New York: Cambridge University Press, 2011. P. 771–783.
- LABOV, WALETZKY 1967 — Labov W., Waletzky J. Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience. In: Helm J. (ed.) *Essays on the Verbal and Visual Arts*. Seattle; London: University of Washington Press, 1967. P. 12–44.
- LATROBE 2001 — Latrobe K. Children's literature: International perspectives. *World Literature Today Magazine*. 2001, 75: 98–101.

- Nikolajeva 1996 — Nikolajeva M. *Children's Literature Comes of Age. Towards a New Aesthetic*. New York; London: Garland, 1996.
- Rudd 2004 — Rudd D. Theorising and theories: The conditions of possibility of children's literature. In: Hunt P. (ed.). *International companion encyclopedia of children's literature*. London: Routledge, 2004. P.29–43.
- Schmid 2016 — Schmid H.-J. (ed.) *Entrenchment and the Psychology of Language Learning. How We Reorganize and Adapt Linguistic Knowledge*. Washington: Mouton de Gruyter, 2016.
- Shavit 1986 — Shavit Z. *Poetics of Children's Literature*. Athens; London: University of Georgia Press, 1986.
- Stahl 1992 — Stahl J.D. Canon formation: A historical and psychological perspective. In: Sadler G.E. (ed.). *Teaching Children's Literature. Issues, Pedagogy, Resources*. New York: MLA, 1992. P.12–21.
- Stockwell 2012 — Stockwell P. *Texture: A Cognitive Aesthetics of Reading*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2012.
- Turner 2020 — Turner M. Constructions and creativity. *Cognitive Semiotics*. 2020, 13 (1). <https://doi.org/10.1515/cogsem-2020-2019>.
- Zipes 2001 — Zipes J. *Sticks and Stones. The troublesome success of children's literature from Slovenly Peter to Harry Potter*. London; New York: Routledge, 2001.

Received: September 30, 2022

Accepted: June 16, 2023